

«МЫ ЗА РОДИНУ ПАЛИ. НО ОНА СПАСЕНА»

Игорь Николаевич Тюленев родился в пос. Новоильинском Пермской области в 1953 году. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького (творческий семинар Ю. Кузнецова). Автор более 20 книг стихов, публикаций в литературных журналах и альманахах. Лауреат премий «Имперская культура», «Традиция», дважды лауреат журнала «Наш современник», Международной премии им. С. Михалкова, Всероссийской литературной премии им. Н. Лескова «Очарованный странник», академик «Академии поэзии». Секретарь Союза писателей России. Живёт в Перми.

Все мы помним это суровое стихотворение Твардовского, отрывок из которого я привожу ниже...

*Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.*

В битве подо Ржевом погибли сотни тысяч воинов Красной армии, для которых небо Ржева стало последним, что они видели.

Владимир Путин и Александр Лукашенко приняли участие в церемонии открытия мемориала Советскому солдату подо Ржевом, где в годы Великой Отечественной войны шли ожесточённые бои. Инициаторами создания мемориала стали ветераны, они попросили увековечить память своих боевых товарищей к 75-летию

Победы. По итогам открытого международного конкурса победил проект скульптора Андрея Коробцова и архитектора Константина Фомина — 25-метровая бронзовая фигура солдата, возведённая на 10-метровом насыпном кургане. Проект реализовало Российское военно-историческое общество при поддержке Союзного государства, Министерства культуры России, правительства Тверской области и Музея Победы. Помимо самого памятника, мемориальный комплекс включает в себя павильон, где можно ознакомиться с историями тех, кто отдал свою жизнь за Победу. Вот что сказали президенты России и Белоруссии на открытии этого мемориала.

Владимир Путин: «Ржевский мемориал — ещё один символ нашей общей памяти, символ преклонения перед великим и самоотверженным подвигом солдата-героя, солдата-освободителя, солдата-победителя, солдата, который спас Европу и весь мир от нацизма. Время не властно над этим подвигом, и он никогда не должен, не может быть забыт и уж тем более затёрт, замазан ложью и фальсификациями. Мы такого не допустим».

Александр Лукашенко: «Война — это всегда кровь, ужас и смерть. В этой нечеловеческой, жестокой реальности бывают рубли, противостояние на которых оплачено невероятной ценой. Ржев — именно такое место, потому что за ним была столица нашей

Родины и вся наша великая страна. Здесь горела земля, плавился камень и крошилась броня, но не сдавался советский солдат. Шёл врукопашную в жестокой схватке с врагом, когда заканчивались патроны. Истекал кровью на снегу в лютый мороз. Умирал, но стоял насмерть. Сегодня мы открываем памятник воинам, среди которых были представители всех народов Советского Союза. Мы отдаём им свой сыновний долг, долг святой памяти. Пока мы создаём памятники, пока мы приходим к памятникам, мы воевать не будем, мы избежим этой страшной трагедии. Как только мы забудем дорогу к этим святым местам — мы обязательно будем воевать».

Это была непростая задача — поставить памятник, который окажется в одном ряду с Родиной-матерью на Мамаевом кургане, Воином-освободителем в Третьяковском парке, с другими шедеврами монументального искусства прошлого. Нужно было придумать образ, который совпадёт с народными представлениями о Победе, отразит память народа о Великой Отечественной войне.

Памятник — замечательный. И у меня сложилось такое впечатление, что фигура солдата на самом деле была навеяна скульптору известной фотографией Александра Твардовского «На пепелище». Хотя есть и иное мнение, например, моего прибалтийского товарища и писателя Владимира Иллишевича, который говорил, что скульптору помог

Валерий Ганичев вручает медаль

живописный образ поэта Александра Твардовского на большом полотне — коллективном портрете выдающихся русских писателей второй половины 20 века. Ниже стоящей фигуры Твардовского в шинели — незабвенные Василий Шукшин, Василий Белов, Владимир Солоухин, Фёдор Абрамов, Александр Яшин... Картина была написана народным художником РСФСР, ленинградцем Евгением Демьяновичем Мальцевым в 1975 году, и я впервые увидел её в 1998 году на стене зала Союза писателей России в Москве на Комсомольском проспекте, 13, где она и висела до недавнего времени. Большинство наших писа-

в этом зале Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев вручал памятную юбилейную медаль «100-летие А.Т.Твардовского», учреждённую Министерством культуры Российской Федерации за подписью министра культуры РФ А.А.Авдеева).

Автор всенародного любимца Василия Тёркина Александр Твардовский — наш русский гений! И с этим не поспоришь. А как мощно и талантливо читал поэму Олег Табаков по телевидению во времена СССР, я запомнил на всю жизнь! Жалею, что нынешним школьникам это недоступно... Но слава Богу, что недавно солдат-победитель Василий Тёркин

в исполнении всё того же Олега Табакова. Советские поэты оценили «Тёркина» очень высоко, сохранились восторженные отзывы Ольги Берггольц и Константина Симонова («лучшее из всего написанного о войне на войне»). Борис Пастернак говорил о поэме как о «чуде полного растворения поэта в стихии народного языка», с другой стороны, Анна Ахматова, вообще не любившая Твардовского, в 1961-м отзывалась о поэме пренебрежительно: «Тёркин?! Ну да, во время войны всегда нужны лёгкие солдатские стишки».

Отдельно стоит привести отзыв Ивана Бунина, который обычно о советской литературе и поэтах говорил исключительно едко. То, что Бунин не любил Сергея Есенина, мне понятно, а вот что смоленский поэт не любил рязанского, мне непонятно до сих пор. В 1947-м, прочитав «Тёркина» в Париже, Иван Бунин писал Николаю Телешову: «Я только что прочитал А. Твардовского («Василия Тёркина») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передай ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищён его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть

литературно-пошлого слова. Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за „Тёркина“».

Иван Бунин во время оккупации Франции жил на своей вилле в Грассе и отказывался от любого сотрудничества с немцами. Если в дневниках 1941 года он пытается анализировать разговоры о том, что нападение Германии на СССР — это проявление «священной войны с большевизмом», и мрачно перечисляет захваченные немцами русские города, то по мере развития войны всё явственнее сочувствует Советской армии («Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?») и надеется на её победу.

1945-1947-й — пик «просоветских» настроений Бунина (он встречается с Константином Симоновым и даже поднимает в советском посольстве тост за Сталина, что ему будут долго припоминать русские эмигранты), но слова о «необыкновенном народном языке» и «удали» звучат искренне и справедливо. Твардовский очень гордился оценкой Ивана Бунина. Приведу здесь ещё несколько фраз из книги А.К.Баборенко «Бунин. Жизнеописание».

«При соприкосновении с подлинным талантом Иван Алексеевич по-особенному радовался. Он обрадовался стихам Твардовского (а ведь сколько он прочитал за свою жизнь поддельных,

головных и мёртвых стихов. Он устал и от идущего по давно проторенным дорожкам изысканного стихоплётства).

— Не оценят, не поймут, — говорил он. — Удивительная книга, а наши поэты её не почувствуют, не поймут. Не поймут. В чём прелесть книги Твардовского. Да и откуда им знать? Разве они переживали что-либо подобное! Ведь они ни народа, ни солдатской речи не слышат. У них ослиное ухо. О русской жизни не знают и знать не хотят, замкнуты в своём мире, питаются друг другом и сами собою. Вот вы услышите, скажут: ну, что такое Твардовский. Да это частушка, нечто вроде солдатского раёшника. А ведь его книга — настоящая поэзия и редкая удача! Эти стихи останутся. Меня обмануть нельзя.

И он читал лёжа, смеялся, удивлялся лёгкости, предельной выразительности солдатского языка».

Вернёмся в родовое гнездо поэта — в начало всех начал. Малая родина Твардовского — деревня Сельцо в Починковском районе Смоленской области России. В километре от деревни Сельцо располагался хутор Загорье, основанный в 1910 году отцом Твардовского, который приобрёл там десять с небольшим десятин земли. В то время эта земля относилась к Переснянской волости Смоленского уезда. Здесь и родился известный советский поэт Александр Трифонович Твардовский.

*Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа...*

Семья Твардовских жила, как все русские крестьяне, натуральным хозяйством. Пашни, коровы и лошади — это всё было частью каждодневного тяжёлого крестьянского труда. Хутор Твардовских — это дом, сарай, банька, колодец, сад — пять сортов яблонь — и кузница, воспетая в поэме «За далью — даль».

*На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берёз
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.*

В статье «О родине большой и малой» (1958) Александр Твардовский писал, что «...чувство родины в обширном смысле — родной страны, отчизны — дополняется ещё чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краёв, района, города или деревушки. Эта малая родина, со своим особым обликом, со своей — пусть самой скромной и непритязательной — красотой предстаёт человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и — в великом целом своём — для всех одна».

Малая родина, как названы поэтом родные места, «...для всякого художника, в особенности художника слова, писателя..., имеет огромное значение». Один из биографов поэта А. Кондратович вспоминал, что «в Твардовском до конца дней его оставалось что-то от крестьянского сына, сельского жителя, причем жителя не южных станиц и сёл — крупных, многолюдных, а среднерусских, небольших, тихих деревенок и одиноких хуторов»: не бойкого, чуточку скрытного, любящего оставаться наедине с собой. Вот из такой срединной России и вышел великий русский поэт Александр Твардовский.

*Волнению давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой
книжки
И самый вкус карандаша...
Всем, чем к земле родной
привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу...*

Дом, в котором родился А.Т. Твардовский, не сохранился до наших дней. Времена коллективизации и Великой Отечественной войны стёрли с лица земли Загорье. Осенью 1943 года, когда Твардовский вместе с частями 32-й кавалерийской дивизии, в рядах освободителей, шёл к родному хутору (деревня была оккупирована гитлеровскими войсками в июле 1941 года, освобождена в сентябре

1943 года), он, потрясённый увиденным, с горечью скажет: «Я не узнал даже пепелище отцовского дома. Ни деревца, ни сада, ни кирпичика или столбика от построек — всё занесено дурной, высокой, как конопля, травой, что обычно растёт на пепелищах. Не нашёл вообще ни одной приметы того клочка земли, который, закрыв глаза, могу представить себе до пятнышка, с которым связано всё лучшее, что есть во мне».

Хотел бы вспомнить земляка Твардовского и моего товарища, к сожалению, ушедшего от нас, — смоленского поэта Виктора Смирнова, который, как и Твардовский, из Починковского района Смоленской области. Виктор родился в деревушке Киселёвке. Там и начал писать стихи сын фронтовика, не вернувшегося с войны. Мне он рассказывал, что поехал в Москву поступать в литературный институт, но вроде опоздал на экзамены... Что делать? Вспомнил о своём знаменитом земляке, который в ту пору был главным редактором журнала «Новый мир». В итоге пробылся Виктор к Твардовскому! Александр Трифонович задал ему вопрос:

— А ты случайно не филолог? (Многим поэтам известно, что филологов Твардовский терпеть не мог и сразу в дверях разворачивал).

Виктор ответил, что он земляк поэта из Починковского района, и сразу по простоте своей попросил помощь ему поступить в

Литинститут. В 1965 году Смирнов был рекомендован своим знаменитым земляком (родом из того же района) А.Т. Твардовским в Литинститут имени А.М. Горького. Своё историческое письмо на имя заведующего кафедрой С. Вашенцева мастер закончил так: «Его стихи, на мой взгляд, свидетельствуют о несомненной одарённости». Но в своём журнале «Новый мир» Твардовский стихи Виктора так никогда и не напечатал... Зато Виктор попал в семинар к замечательному поэту-фронтовику Сергею Наровчатову, в один семинар с Юрием Кузнецовым — гениальным русским поэтом, моим учителем по Литинституту. Такая блистательная плеяда советских поэтов сразу обозначила ту высокую планку, к которой Виктор Смирнов тянулся всю жизнь. По окончании Литинститута он вернулся в родную деревню Киселёвку.

А завершить свою статью мне хочется стихотворением Александра Твардовского из книги «Из лирики этих лет», за которую поэт получил в 1971 году Государственную премию СССР:

*Есть книги — волею приличий
Они у века не в тени.
Из них цитаты брать — обычай
Во все положенные дни.
В библиотеке иль читальне
Любой — уж так заведено —
Они на полке персональной
Как бы на пенсии давно.
Они в чести. И не жалея
Немалых праздничных затрат,
Им обновляют в юбилеи
Шрифты, бумагу и формат.
Поправки вносят в предисловья
Иль пишут наново, спеша.
И — сохраняйтесь на здоровье, —
Куда как доля хороша.
Без них чредою многотомной —
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приёмной,
Чтоб на глаза ему попасть;
Не опоздать к иной обедне,
Не потеряться в тесноте...
Но те, — с той полки, —
«Кто последний?»
Не станут спрашивать в хвосте.
На них печать почтенной скуки
И давность пройденных наук;
Но, взяв одну такую в руки,
Ты, время, обожжёшься вдруг...
Случайно вникнув с середины,
Невольно всю пройдёшь насквозь,
Все вместе строки до единой,
Что ты вытаскивало врозь...*